Максим Майоров

Новый день

18+

Максим Майоров

Новый день

«Автор»

2026

Майоров М.

Новый день / М. Майоров — «Автор», 2026

Понять себя — ещё не значит научиться жить иначе.После событий книги «В гостях у старца» Максим возвращается в обычную жизнь: работу, отношения, поездки, решения, ошибки и планы.Он по-прежнему привык быть сильным, всё контролировать, быстро решать проблемы, быть полезным и брать ответственность на себя. Но теперь всё чаще замечает момент, когда то, что много лет помогало ему жить, начинает мешать.Каждый рассказ «Нового дня» — один такой день. Иногда смешной, иногда тяжёлый, иногда почти незаметный. День, в котором Максим снова сталкивается с собой прежним и получает возможность поступить иначе.Не всегда правильно. Не всегда без последствий.Это книга не о человеке, который однажды разобрался в своих психологических проблемах. Это книга о человеке, который после этого продолжил жить.И постепенно понял: новый день начинается тогда, когда в знакомой ситуации у тебя появляется выбор.

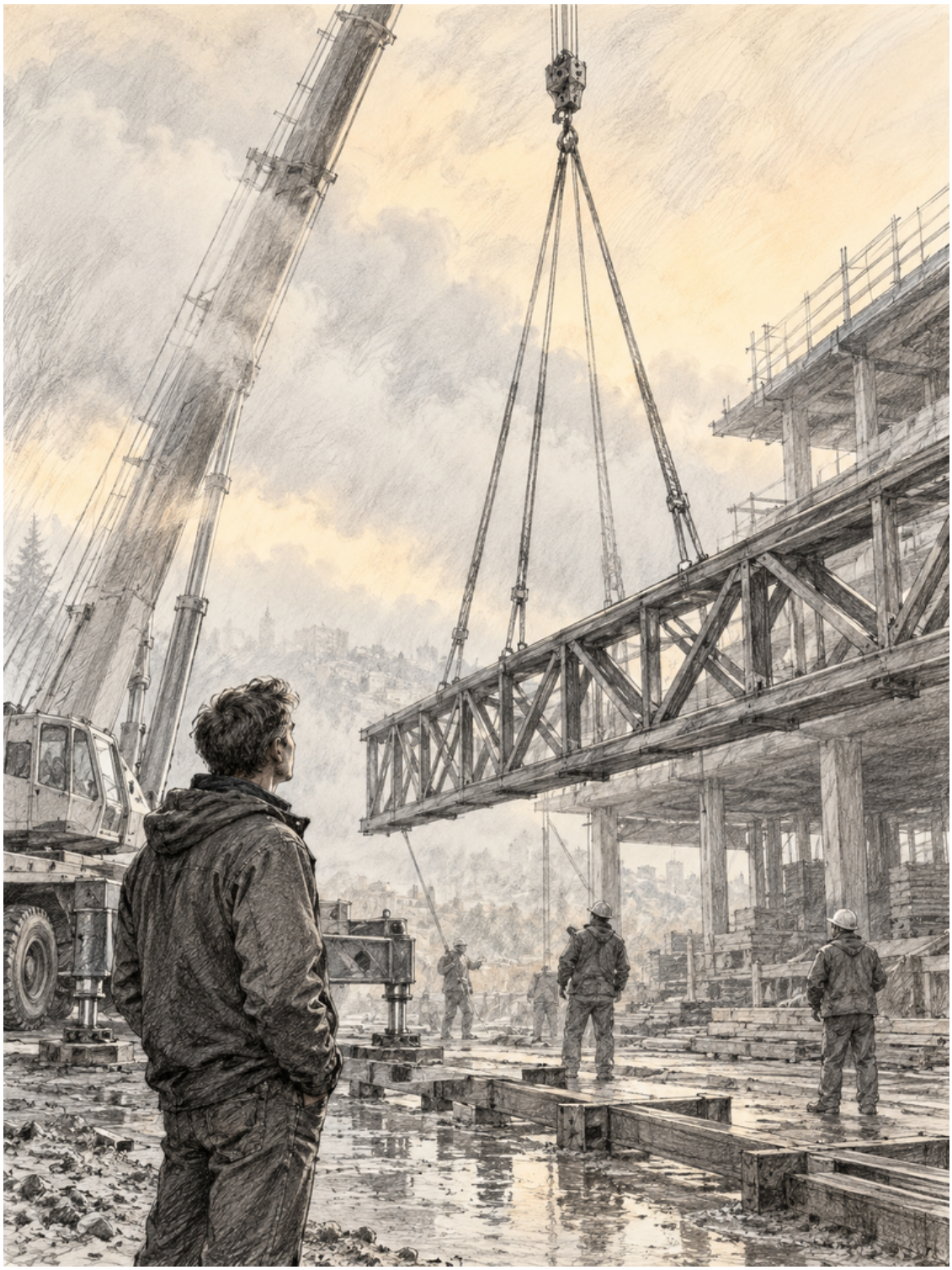
© Майоров М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Кнопка неба 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Максим Майоров
Новый день

Кнопка неба



Ночью прошёл мелкий дождь. Щебень потемнел, в колеях стояла вода, а в лужах, где успела осесть пыль, плавали тонкие радужные разводы солярки. Из открытых проёмов первого этажа тянуло мокрой фанерой, бетоном и свежим металлом — тем особым запахом недостроенного дома, который ещё не обрёл хозяев, но сотни рабочих рук день за днём уже вдыхали в него жизнь.

Стотонник приехал затемно и к моему появлению стоял на выносных опорах чуть наискосок к фасаду — тесный двор не позволял развернуть машину иначе. Стрела прошла над кровлей и растворилась в густом утреннем тумане. Казалось, проходившее мимо облако зацепилось за торчащую над домом арматуру и теперь медленно протискивалось дальше под порывами ветра, то открывая серый металл стрелы, то снова пряча его в белой сырой массе. Отсюда, снизу, стрела казалась тонкой нитью, уходящей в никуда, и только тяжёлые плиты под опорами, огромные колёса и ровное урчание дизеля возвращали глазу настоящий масштаб машины.

У передней опоры стоял коренастый мужчина среднего роста. В его лице было что-то от капитана дальнего плавания: ветер и годы будто высекли на нём свой собственный рельеф. Глубокие складки упрямо сбегали от крыльев носа к углам губ, словно застывшие струи штормовой воды; лоб был прорезан продольными морщинами, и в сером утреннем свете они напоминали тяжёлые свинцовые волны перед непогодой. Если бы судьба дала ему мостик корабля вместо кабины крана, никто бы, наверное, не удивился. Но судьба распорядилась иначе. Это был наш крановщик — Виктор Петрович.

Он уважал вес, высоту, ветер и людей, которые отвечают за свои решения, а всё остальное выслушивал без особого доверия.

В ладони у него был маленький анемометр. Виктор Петрович внимательно смотрел на показания, время от времени переводя взгляд на стрелу крана; та едва заметно покачивалась и сама будто раздвигала облако, в котором пряталась. Этот прибор я знал с первого рабочего дня. Когда я только разбирался в вентиляции, старшие инженеры с важностью мудрых мужей учили меня мерить им скорость воздуха в воздуховодах. Тогда маленькая крыльчатка казалась почти занятной игрушкой. Сегодня в руках Виктора Петровича она вызывала совсем другие чувства — то ли уныние, то ли злость. От её цифр зависело, поднимется ли наша махина в небо.

Ферма лежала вдоль дома на деревянных подкладках.

На чертеже — понятный, знакомый до мелочей эскиз: несколько линий и связей, узлы, обозначения; в углу таблица с массой металла, марками стали и знакомыми номерами ГОСТ. Всё логично, всё на своём месте. За последний месяц я настолько изучил этот лист, что мог бы, наверное, воспроизвести его с закрытыми глазами.

Я смотрел на неё и видел совсем иную картину.

Тёмная, тяжёлая после ночного дождя масса стали растянулась вдоль фасада на десятки метров. Косые связи собирали её в длинную череду треугольников; в углах между пластинами стояла вода, на заводских швах висели крупные капли. Я остановился у одного конца, попробовал охватить ферму взглядом целиком — не получилось. Пришлось идти вдоль неё, метр за метром, рассматривая сварные швы, болты, примыкания. На бумаге я знал её сразу всю. Здесь она заставляла знакомиться с собой постепенно.

И эту махину нам сегодня надо было поднять над двором, провести между уже готовыми конструкциями и посадить на опоры.

Стройку я терпеть не мог. Скорее она сама каким-то образом выбрала меня и много лет не отпускала. Мне нравились совсем другие вещи — писать, программировать, путешествовать, уезжать туда, где ничего не надо согласовывать и подписывать. Но был в ней один момент, который всё-таки стоил того, чтобы терпеть остальное: когда линии на бумаге вдруг становились настоящей вещью.

Сегодня нам предстояло поднять ферму на проектную отметку. Она должна была вынести верхнюю террасу почти на двенадцать метров от каркаса и открыть над городом свободный край — без опор перед глазами. По проекту там появятся двенадцать столиков ресторана. Я посмотрел сквозь туман на уходящую вверх стрелу и на мгновение увидел уже не ферму, не сварные швы и не узлы, а вечер: тёплый свет, бокалы на столах, людей за ужином и город далеко внизу — почти с высоты парящего орла. Кто-нибудь потом будет сидеть там, смотреть на закат и даже не подозревать, сколько металла, нервов, расчётов и человеческих рук понадобилось ради этого вида.

— Доброе утро, — вернул меня в реальность голос Ильи.

Он стоял у ближнего конца фермы: каска сдвинута назад, куртка расстёгнута, в одной руке телефон, в другой бутерброд, который от сырости уже начал терять первоначальный замысел.

— Это ты завтракаешь?

Илья посмотрел на бутерброд, будто сам только сейчас обратил на него внимание.

— Пока да.

— Тогда ладно.

— А если бы перчатку жевал?

— Проверил бы технику безопасности. Потом попросил вторую.

Он усмехнулся и кивнул в сторону стрелы.

— Ветер с ночи поднялся.

Я знал.

Перед сном посмотрел прогноз. Потом ещё раз в половине пятого, когда проснулся попить воды. Один сервис обещал спокойное утро и усиление после одиннадцати. Второй оставлял нам минут сорок. Третий, самый добрый, переносил все неприятности на вторую половину дня.

Я ещё не успел толком открыть глаза, а на внутренней школьной доске Разум уже успел мелом вывести три прогноза, два запасных варианта и жирно подчеркнуть предложение уста-

новить четвёртое приложение — на случай, если первые три недостаточно хорошо понимают важность сегодняшнего подъёма.

Ветер прогнозы моих приложений не читал и жил своей жизнью.

То уходил совсем, и мокрая сетка на ограждении тяжело обвисала, то возвращался одним широким холодным движением: шуршал плёнкой, трогал провода, находил щель между воротником и шеей. Вместе с ним двигался туман — то открывал край кровли, то снова съедал верх стрелы.

Я подошёл к Виктору Петровичу.

— Что у нас?

Он даже не повернулся.

— Ветер.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Вдруг у тебя другой прогноз.

На его лице ничего не изменилось. Он только протянул мне анемометр, как врач, которому пациент зачем-то решил доказать, что температура у него другая.

— Порывы гуляют. Ждём.

Ждём.

Слово мне никогда не нравилось, хотя на стройке без него не бывает ни одного нормального объекта. Ждём бетон. Ждём поставку. Ждём согласование. Ждём электриков, которые обещали приехать час назад. Пока ждёт кто-то другой, всё это звучит вполне разумно. Но стоит самому оказаться внутри ожидания — особенно рядом с уже готовой работой, — и руки начинают искать, что ещё можно сделать.

К семи приехали монтажники. Тёмные куртки разошлись вдоль фермы. Один потянул строп, другой пошёл наверх к месту приёма, Илья проверил связь. Рации потрескивали в сыром воздухе, металл негромко отзывался на металл. Основную подготовку закончили ещё с вечера: крепёж наверху, проход свободен, ограждение переставлено, люди на месте.

Всё, что зависело от нас, было готово.

Я достал телефон.

Прогноз не изменился.

Обновил.

На карте в километре от нас ветер был слабее. Я приблизил участок двумя пальцами. Цветное пятно прошло почти по границе объекта. Если чуть сдвинуть карту, погода становилась вполне приличной.

— Максим, — сказал Виктор Петрович, не оборачиваясь, — телефон площадку продувать не умеет.

— Плохо старались разработчики.

— Напиши жалобу.

Около семи сорока ветер вдруг сбросил порыв и утих почти мгновенно. Сетка провисла. В лужах погасла мелкая рябь. Плёнка перестала хлопать, и в наступившей тишине отчётливее заурчал дизель. Илья бросил пакет с недоеденным бутербродом на бетонный блок и взял рацию. Монтажники будто только этого и ждали: двое подошли к ферме, человек наверху показал рукой, что готов принимать.

Вся стройка за несколько секунд подобралась, как сторожевой пёс, услышавший шаг за воротами, — не рванулась вперёд, только застыла в готовности и ждала одного слова крановщика.

Виктор Петрович поднял ладонь.

Никто не двинулся.

Секунд двадцать тишина ещё держалась. Потом за бытовками зашуршал полиэтилен. Сетка вздрогнула, натянулась. Пустой стакан выкатился на проезд, подпрыгнул на камне и побежал через двор.

— Отбой.

Готовность рассыпалась так же быстро, как возникла. Илья нашёл свой бутерброд, осмотрел его и коротко сообщил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.